ВАРИАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МОТИВА ТОТЕМНОГО ЖЕНИХА (МУЖА) В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СКАЗКАХ

Подставленко В. Ф.

Витебск, Республика Беларусь, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»

Аннотация. В этой статье на примере китайских народных сказок и белорусской сказки «Ужиная королева» Владимира Короткевича раскрываются нюансы идейно-художественного воплощения мифологического мотива тотемного жениха (мужа), во многом определяющие национальную специфику локальной интерпретации данного мифологического объекта.

Ключевые слова: тотемный жених (муж), идейно-художественная специфика, мифологический образ, авторская интерпретация.

Введение. Справедливо считается, что миф находится «в основе всех национальных культур <...> без мифологии, которую можно назвать «национальной идеей», не обходится ни один этнос. Мифы содействуют единению общества, участвуют в формировании менталитета народа через соблюдение определённых стереотипов мышления и поведения» [1]. При этом конструкты и мотивы мифологической картины мира в разных культурах органично коррелируют с разножанровыми модификациями, как фольклорными, так и авторскими. В результате этого универсальный мифологический базис репрезентируется даже в исторически и территориально отдалённых культурных системах и сохраняет свои константные признаки.

Для дополнительной доказательности этого тезиса апеллируем к мифологическому мотиву тотемного жениха (как его варианта – мужа) в китайской и белорусской художественных традициях. В рамках статьи, думается, целесообразно изучить наиболее яркие примеры союза двух миров, мифически-хтонического и человеческого, для чего исследуем альтернативные сказочные истории брака девушки и змея (ужа).

Изучение данного объекта является **актуальным**, так как способствует экстенсификации теоретических представлений о типологических явлениях в литературе и её национальных репрезентантах.

Цель нашего исследования: на примере китайских народных сказок и белорусской сказки «Ужиная королева» Вл. Короткевича раскрыть нюансы идейно-художественного воплощения мифологического мотива тотемного жениха (мужа).

Материалом для нашего исследования послужили китайские народные сказки под общим названием «Жених-змея» [2], а также белорусская сказка «Ужиная королева» Владимира Короткевича [3].

Основными для научного анализа были выбраны приёмы конкретно-исторического, компаративного **методов**.

Результаты и их обсуждение. Интересно отметить, что названные китайские и белорусские словесно-художественные произведения во многом ориентированы на очень сходную сюжетную схему, которую для общего понимания можно назвать «Красавица и Чудовище». В научном мире бесспорным видится факт древнего происхождения этого сюжета, одной из первых модификаций которого считается миф об Амуре и Психее. Этот неизменно интригующий античный сюжет сформировал в мировой литературе вариантную событийную парадигму, детерминированную полярным отношением к главной героине: от диких страстей олимпийских богов до холодной меркантильности Румпельштильцхена из одноименной сказки братьев

Гримм. Но наибольшую читательскую симпатию история получила в результате романтических акцентов, продемонстрированных, например, С. Аксаковым в «Аленьком цветочке».

В литературном наследии Китая (и иных стран азиатского региона) сохранилось много версий данного сюжета, однако исключительной популярностью у реципиентов пользуется сказка «Жених-змея», где все мифологические события и их участники находят оригинальную трактовку.

Традиционный мотив спасения меньшей дочерью своего отца от чудовищного (во всех смыслах) наказания получает здесь продолжение. Сам образ седьмой дочери (с учётом её «младшести») уже имеет некоторую несостоятельность как спасительницы. Кроме этого, героиня лишена даже внешней привлекательности: «У шестерых волосы длинные, красивые, а у седьмой – плешь» [2]. Эта портретная деталь призвана не только выделить образ девушки из общего окружения, но и дополнительно драматизировать события, так как на роль прекрасной жертвы девушка очевидно не подходит. Однако, в данной истории несоответствие героини ожидаемым стандартам красавицы усиливает рецепцию её фаталистического предназначения.

Отметим ещё один любопытный факт: хоть образ змея и заявлен в качестве протагониста, но он появляется эпизодически и сохраняет за собой только преимущественно сюжетообразующее начало. Также в тексте отсутствует и описание облика змея, а его психологическая характеристика очень избирательна: отмечается готовность персонажа помочь людям, но с сохранением личной выгоды; в иных ситуациях имеют место его чрезмерная неосмотрительность и доверчивость. Приведём ещё одну существенную деталь: нора змея показывается антиномичной представлением о достойном для человека жилище (она находится в гигантской навозной куче).

В идейно-художественном плане образ змея статичен, что нельзя сказать об образе его избранницы. С учётом мифологической составляющей вся история оригинального тотемного союза видится как многоэтапный процесс инициации седьмой стариковой дочери. Его основные вехи (благородное стремление спасти отца, пребывание в «тотемном царстве», смерть от коварного недруга, прохождение четырёх мистических метаморфоз на пути сущностного возрождения-самооткрытия) актуализировали огромный человеческий потенциал героини с акцентом на её нравственном базисе.

Усиление мифологической суггестии в сказке происходит за счёт различных деталей, удачно создающих условно-символический и энигматический фон наррации.

Обратимся к наиболее значимым примерам. Инициация героини начинается со своеобразного эстетического «выравнивания» облика змеиной невесты. Происходит это благодаря покровительству высших сил и сопровождается магическими ритуалами, заговорами: «Встала седьмая дочка в воротах, чешет волосы да приговаривает:

Первый раз расчешу – до большой дороги дотяну.

Второй раз расчешу – до змеиной норы дотяну.

Третий раз расчешу – до зелёного кана достану» [2].

Тотемный союз в сказке осмысливается как исключительное по значимости событие и всеобщее торжество, что маркируется даже в описании анималистической процессии, сопровождающей змеиную невесту:

«Вол румяна везёт, конь – пудру.

Верблюд десять кусков парчи тащит.

Воробьи верёвку с красным концом.

Ласточки – бутылки с разноцветным вином несут.

Золотистый баран – таз для умывания» [2].

Перечисленные здесь персонажи в целом аккумулируют в себе *созидательную* энергию и символизируют счастливое, благотворное семейное будущее. Витальная семантика доминирует в описанных событиях, поэтому неслучайно соответствующими мотивами наполнены даже эпизодические образы (образ зелёного попугая), флористические объекты (финиковое дерево, цветок дикой сливы), бытовые предметы (холодный жернов, тёплый кан).

В китайской сказке «Жених-змея» манифестируется идея универсальной корреляции между всеми формами существования на земле и в высших сферах, а также между всеми событиями в общей хронотопной матрице.

Идейно-художественная синтетичность положена и в основу белорусской сказки «Ужинная королева» Владимира Короткевича. В жанровом отношении это произведение объединяет в себе собственно сказочные, мифологические и легендарные компоненты. Присутствие последней составляющей закономерно – ведь эта история событийно ориентирована на фольклорный материал, наиболее завершённо репрезентированный в легенде «Эгле – королева ужей».

Упомянутые легенда и сказка сохраняют романтический вектор событий. В короткевичевской художественной версии показывается любовь, априори трагическая из-за неравной связи человека и мифического существа.

Произведение «Ужинная королева» целесообразно рассматривать как жанрово пограничный образец, в котором паритетно сосуществуют элементы мифологизированной наррации и авторской сказки. Ещё учёный Е. М. Мелетинский отмечал, что иногда лишь условно можно сепарировать сказку от мифа. Критериями чёткой дифференциации здесь выступают сакральность / несакральность материала, его полная (строгая) / неполная точность. Исследователь резонно считал, что собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических источников, а происхождение сказки из мифа не вызывает сомнений [4, с. 262].

Написанное Вл. Короткевичем произведение имеет большое как художественно-эстетическое, так и познавательно-этнографическое значение, чему также способствует его мифологическая подоснова. Мифологизм «Ужинной королевы» коррелирует минимум с двумя культовыми явлениями древнего мира: жертвоприношением и почитанием змей. История разных народов сохранила предания о страшных временах, когда единственным спасением для несчастных были жертвоприношения молодыми и красивыми. Брак героини Елины с ужиным королём видится модификацией той же трагической ситуации.

Идейный смысл этой сказки тождественен предыдущему примеру, так как она строится как событийная цепь полного раскрытия нравственного, волевого потенциала Елины, её душевной корреляции с ужиным королём. В художественном плане это путь полярно изменённых образных типов: от пассивной жертвы-«красавицы» до героини-спасительницы. Здесь Короткевичем продемонстрирована экстенсификация гендерных фольклорных стереотипов относительно женского образа. Об этом свидетельствует сама событийность произведения, в рамках которой Елина не просто ждёт спасения, она сама пытается спасти себя, собственных детей и даже «чудовище».

Напомним, что ужиный король в белорусском мифологическом мышлении воспринимался как своеобразный «перст судьбы», встреча с которым могла счастливо изменить земное существование человека. Поэтому наши предки чествовали змей, видели в них поддержку и защиту от жизненных невзгод. Однако среди народов ужиного короля были и те, что несли смерть, поэтому люди воспринимали их хтоническими созданиями из подземного мёртвого царства. Такие обстоятельства влияют на амбивалентность отмеченных персонажей в художественной литературе.

Энигматический вектор раскрытия короткевичевского образа ужиного короля сохраняется до финала произведения. Его сюжетная завязка, связанная с рождением Елины, может быть осмыслена и как определённый мефистофелевский подарок старикам с драматическими последствиями, ведь для девушки и её родителей были предопределены роли без возможности их личного выбора. Таким образом, история Елины начинается как инвариантная фатумная ловушка. Трагическая жизненная перспектива для героини очерчивается в её траурной свадебной песне: «отдали меня, пропили меня, сбыви в край далёкий. А там и солнце не сияет, там и люди злые, всё топорами дерутся. И по будням там дождь, дождь, дождь, и по праздникам там дождь, дождь, дождь» [3, с. 574]. Здесь доминируют печальные мотивы прощания с родным домом и семьёй. Из приведённого отрывка видно, что идейно, образно и эмоционально песня-плач Елины контаминирует с похоронными голошениями.

В данном тексте песни акцентированный образ дождя может иметь неоднозначную интерпретацию. Так, во-первых, мрачное ужиное царство – это антимир, лишённый солнца (соответственно) и жизни. Во-вторых, образ дождя символически коррелирует с народным преданием, согласно которому, ужи превратились из небесных капель, упавших на землю и навсегда там оставшихся.

Как и в рассмотренной китайской сказке, в путешествии Елины в царство ужиного короля ощущается мифологически-ритуальный базис событий, подобных «переходным» обрядам или инициации личности. Даже сам отбор главных эпизодов в сказке Короткевича художественно повторяет событийную лиминальную («переходную, пороговую») структуру. Она включает следующее: 1) сватание нелюбимого «чужака» как проявление злого рока; 2) путешествие к ужиному королю как драматический процесс переосмысления личного отношения к внешнему миру; 3) возвращение Елины домой как катализатор мучительного принятия героиней истинно важных решений и ценностей.

Лиминальность событий удачно раскрывается и через соответствующее описание потустороннего мира. Он имеет своё ограниченное пространство, а вход сюда лежит по воде и открывается после преодоления условной границы. Из сказанного следует, что писатель дифференцирует «наш» мир и мир «чужой», а водный путь между ними оказывается идентичным мифологическим представлениям об этом у многих народов.

Важно отметить, что в сказке Короткевича инициацию проходит не только Елина – свою сущностную проверку осуществляют и другие персонажи: родители девушки, ужиный король. Они хранят верность данному слову, долгу и совести, а заколдованный властитель и его жена ещё провозглашают и идеи милосердия, искренней любви. С учётом этого отмеченные в произведении моменты «хитрой» трансформации судьбы редуцируются белорусским автором, а сама наррация приобретает новые идейные и смысловые акценты.

Заключение. Как следует из приведённого анализа обоих произведений, положенный в сюжетную основу мотив союза с тотемным женихом (мужем) усиливает смысл центральных событий, интерпретирует их как судьбоносные испытания для героев. При этом китайская и белорусская сказки характеризуются идейной многовекторностью, подчёркивающей концепцию относительности, неоднозначности нашего мира и некоторых человеческих решений.

Использованные источники

1. Славянская мифология [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://knihi-online.com/slavianskaja-mifalohija-kurs-liekcuj-dlia-studentau-filolahau.html>. – Дата доступа : 10.05.2024.
2. Жених-змея [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://skazkoved.ru/index.php?fid=1&sid=14&tid=940>. – Дата доступа : 10.05.2024.

3. Караткевіч, У. С. Збор твораў. У 25 т. – Т. 3. Апавяданні. Казкі: 1946–1981 / У. Караткевіч; падрыхт. тэкстаў і камент. А. Вераб’я; рэд. тома Т. Шамякіна. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2014. – 774 с.

4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.

THE VARIABILITY OF THE ARTISTIC MOTIF OF THE TOTEMIC GROOM (HUSBAND) IN CHINESE AND BELARUSIAN FAIRY TALES

Podstavlenko V. F.

Vitebsk, Republic of Belarus, “Vitebsk State University named after P. M. Masherov”

Summary. Using the example of Chinese folk tales and the Belarusian fairy tale “The Supper Queen” by Vladimir Korotkevich, this article reveals the nuances of the ideological and artistic embodiment of the mythological motif of the totemic groom (husband), which largely determine the national specifics of the local interpretation of this mythological object.

Key words: totemic groom (husband), ideological and artistic specificity, mythological image, author's interpretation.

УДК 821.161.1-31:130.2:271

МЕССИАНИЗМ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»

Чень Ченьлин (陈陈林)

Хучжоу, Китай, Университет Хучжоу

Аннотация. Мессианизм в России является одной из основных ценностей Православной Церкви. Он выходит за рамки религии и интегрируется в душу русского народа, становясь культурной концепцией, объединяющей религиозные, политические, философские и другие факторы. В то же время «мессианизм» России в той или иной степени влияет и на литературное творчество российской интеллигенции. В данной статье на примере главного героя романа И.С. Тургенева Рудина объясняется мессианское сознание, в центре которого – сознание спасения, дух страдания, мысли о самоанализе и покаянии. Оно глубоко воплощает идейный стержень русского духа, религиозные представления и эстетический темперамент русского народа, дает новые идеи для изучения русского общества и культуры XIX века.

Ключевые слова: мессианизм; роман И.С. Тургенева; лишний человек; Рудин.

Введение. В России влияние «мессианизма» на общество, политику, философию, литературу и даже культурные ценности всей нации придало ему особый характер. Это культурный концепт, сочетающий в себе религиозные, философские, социальные, политические и другие факторы. Как культурная концепция, русский «мессианизм» имеет трехмерную структурную модель, которая состоит из трех уровней: на религиозном уровне Россия гордится тем, что является единственной наследницей и спасительницей православного христианства; на духовном уровне она считает, что русская национальная культура – лучшая культура, и верит, что культурные идеи ее собственного народа являются духовным оружием для спасения мира; на светском (главным образом политическом) уровне Россия пытается спасти и освободить все человечество и стремится воплотить этот идеал на практике. Среди них духовный «мессианизм» в основном проявляется через литературу, искусство и другие формы.

Русская интеллектуальная группа является основным носителем выражения русской национальной мысли, и «мессианизм», как ядро русской национальной мысли, должно было оказать чрезвычайно глубокое влияние на интеллигенцию. Будь то их отношение к тому, куда должно идти российское общество, их отношение к революции